

Отзыв на автореферат диссертации Нуриевой Ирины Муртазовны
«Удмуртская музыкально-песенная традиция:
специфика жанрообразования и функционирования»,
представленной на соискание ученой степени доктора искусствоведения
по специальности 17.00.02 – Музыкальное искусство

Удмуртская народная музыка имеет на сегодняшний день довольно многочисленные публикации нотных записей, знакомящие с музыкальными традициями северных, южных, завятских удмуртов, с песнями похоронного и поминального обрядов, с песнями календарных обрядов и приуроченными к тем или иным сельскохозяйственным работам и т.д. Имеются исследования и диссертации М.Г.Хрущевой, А.П. Шаховского и др. Уже нужен труд, освещающий удмуртский материал с современных позиций, открывающий новые связи в материале благодаря продвижению этнографии и фольклористики в последние десятилетия. Именно такова диссертация И.М. Нуриевой, автореферат которой позволяет высказать мнение о подобной направленности этой большой работы.

Автореферат отражает структуру диссертации, состоящей из четырех глав: 1. Музыка в системе религиозно-мифологических представлений (это о молениях - М.Л.); 2. Свободные формы песенного высказывания в народном искусстве удмуртов (это о крезях и плачах - М.Л.); 3. Музыкально-песенная культура земледельческого общества (календарь и свадьба - М.Л.); 4. Поздние жанры удмуртского песенного фольклора (это, в частности, о музыке в исторических преданиях и о специфике песенных форм на фоне внепесенных или парапесенных типов музыкально-интонационного высказывания - М. Л.)

Из того, что И.М.Нуриева представила в параграфе о научной новизне диссертации, отмечу глубокое изучение северо-удмуртской традиции, осуществленное, как утверждает автор, впервые; открытие новых типов причитаний, сохранившихся среди пермских удмуртов; раскрытие специфики импровизации, и какого-то такого музыкального кода в свадебном обряде, которым отмечен напев как культурный маркер удмуртской традиции в целом – и мн. др. (см. с. 8). Поскольку вся констатирующая и хвалебная часть отзыва на автореферат в самом действе защиты не озвучивается, а зачитываются лишь замечания, то я не буду утруждать ни себя, ни читателя этой стороной, а приведу вопросы и замечания, возникшие в процессе чтения труда

соискательницы.

1. С. 16 - период в музыке, как тому учит теория музыкальных форм, представляет собой довольно сложное построение, состоящее из нескольких простых построений (предложений, фраз). Их относительная законченность и отделенность друг от друга в природе периода. В поэтиках подобные разделители называются "цезурой" или "пресечением". Почему же соискательнице понадобилось специальное понятие "тип цезурированного периода"? Это новое понятие или давно установившееся в теории музыкальной формы?

2. С. 17 - И.М.Нуриева пишет: "многоголосная фактура североудмуртских и бесермянских крезей, как показывает анализ многомикрофонных записей, является гетерофонной". Сам термин "гетерофония", предложенный для первобытного многоголосия К.Штумпфом, успел доставить множество неудобств этномузыковедам, т.к. не лег на многие виды пения. В понимании Платона, от кого Штумпф заимствовал термин "гетерофония" - это одновременное исполнение песни с аккомпанементом, где аккомпанемент повторяет, в общем ту же самую мелодию, но с какими-то украшениями. Они-то и порождают созвучия. Если в крезях удмуртов "голоса свободно пересекаются друг с другом, переходя из одного диапазона в другой" (с. 17), если многомикрофонная партитура обладает "относительной независимостью голосовых партий" (с. 16), то это явно какой-то другой тип многоголосия. Сталкиваясь с аналогичными примерами в белгородских песнях, И.Н. Карачаров усмотрел в них наличие контрастной полифонической фактуры (Карачаров И.Н. Песенная традиция бассейна реки Псел. - Белгород. 2004. С. 57). Судя по описанию И.М.Нуриевой, многоголосие крезей ближе к принципу контрастной полифонии, чем гетерофонии, как она описана Платоном и затем немецкими классиками сравнительного музыковедения.

3. С. 17 и далее. "Внеобрядовые импровизации - пение для себя ... основаны на принципе готовой модели, в качестве которой могут являться любые известные певцам мелодии" (с. 17) По содержанию это - монолог о своих горестях. Причитание - почти то же самое по содержанию, но оно имеет особый типовой напев (с. 19). Автореферат не убеждает в том, что первые - это особый жанр. Может быть, импровизации на неплачевые напевы есть просто остаток воспоминаний о жанре причети, бытовавшем здесь, сохранившим поэтический и ситуационный контекст, но утративший напев? Имеет ли смысл отделять

импровизации от плача, упаковывая их в особый раздел главы, где рассматриваются первичные явления?

4. С. 30. Автор пишет в Заключение: "Если учесть, что ангемитонной пентатоникой охвачено практически все формульное пространство обрядового сакрального мелоса как на юге, так и на севере Удмуртии, то ее внедрение в музыкальную культуру **предков** удмуртов можно увязать как минимум с появлением первых болгарских кочевых племен, имевших постоянные продолжительные культурные контакты с древним Китаем и буддийской цивилизацией". Но чтобы так предполагать, надо установить, что у **предков** удмуртов до появления кочевых болгар были иные лады. В основной части автореферата данный вопрос не освещается.

5. С. 9: автор пишет в Положениях, выдвигаемых на защиту, что "удмуртская традиционная культурука является целостной, гармоничной системой" (имеется в виду песенная культура - М.Л.), на с. 29 объявляет проделанное исследование как попытку "рассмотрения удмуртской традиционной музыки как целостной системы", а заключает автореферат вывод, что диссертация позволила "сформировать представление об удмуртской песенной традиции как цельной системе, в которой гармонично уживаются старые и новые формы песнетворчества" (с. 33). Здесь у меня вопрос не столько персонально к И.М. Нуриевой, сколько к нашему этномузыказнанию в целом, применяющим это слово как научное понятие, но совершенно бездоказательно. Слово "система" употребляется а) как в бытовом плане, б) так в естественно-научном и философском, когда важнейшим ее признаком является гомеостазис - сохранение единства, самоидентификации при изменениях в составе элементов. Работ, где во втором смысле исследовался бы музыкально-фольклорный материал, мне встречать не приходилось, а словом "система" обозначается у наших деятелей любая совокупность фактов, имеющих общую локализацию либо этническую или социальную принадлежность. Но всегда ли совокупность явлений соответствует понятию системы в научном смысле? И.М. Нуриева, на мой взгляд, находится также в русле привычного для нашего этномузыкаведения понимания системы. Не лучше было бы ей воспользоваться менее обязывающим понятием вроде "совокупность фактов", "круг явлений" и т.п., тем более что в основной части автореферата она специально на "системе" не останавливается? Считаю, что соискательницей продумано так много, так много объяснено по-новому и весьма свежо, что и без груза "системы" ее

исследование прекрасно состоялось как реальное обогащение науки о народной музыке.

Автореферат компактно передает основное содержание диссертации. 105 статей по ее материалам, в том числе 15 – в журналах списка ВАК, свидетельствуют о достаточной представленности ее идей в печати, не только отечественной, но и зарубежной.

Общая оценка диссертации И.М.Нуриевой связана с такими фундаментальными свойствами данной работы, как ее научная новизна, вводимые проблемы, которых удмуртская фольклористика ранее не касалась, свежесть наблюдений. Высказанные замечания никак не влияют на мою общую высокую оценку труда соискательницы. Насколько могу судить по автореферату, диссертация «Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования», представленная к защите на соискание ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.02 – музыкальное искусство, удовлетворяет всем требованиям ВАК к работам подобного рода, а ее автор Ирина Муртазовна Нуриева заслуживает присуждения ей искомой ученой степени по указанной специальности

Доктор искусствоведения, профессор Лобанов Михаил Александрович

Институт музыки, театра и хореографии РГПУ им. А.И.Герцена
e-mail: malobanov@yandex.ru ; phone: (812) 312 - 35 - 36 (home)

РГПУ им. А.И. Герцена
подпись *М.А. Лобанов*
удостоверяю «15» декабря 2014 г.
Отдел персонала
управления кадров и социальной работы

